

О. Ф. Русакова, А. Е. Спасский

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПРАКТИКА»,

ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Ж. БОДРИЙЯРА

21 ноября – 14 декабря 2007 г.,

Екатеринбург – Тюмень – Челябинск

**Русакова
Ольга Фредовна**

председатель оргкомитета
конференции, доктор
политических наук, профессор,
главный редактор
Издательского Дома
«Дискурс-Пи»

**Спасский
Александр Евгеньевич**

заместитель председателя
оргкомитета конференции,
кандидат политических наук,
генеральный директор
Издательского Дома
«Дискурс-Пи»

Вторая международная конференция по дискурсологии, организованная Институтом философии и права УрО РАН, Уральским государственным университетом им. А.М.Горького и Издательским Домом «Дискурс-Пи» прошла в необычном формате: вначале в разных городах и на различных площадках состоялась работа двенадцати тематических сессий, а затем, в завершении работы конференции прошло пленарное заседание и «круглый стол» «Дискурс соблазна и соблазн дискурса».

В конференции приняло участие более 300 чел из 19-ти городов России и из-за рубежа. В числе зарубежных участников конференции:

Хуеналь Варгас Муньос (Juvenal Vargas Muñoz), профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико (Мексика).

Манола Сепульведа Гарса (Manola Sepúlveda Garza), профессор-исследователь Высшей национальной школы антропологии и истории (Мексика).

Михаил Алексеевич Малышев (Mijail Malishev), профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико (Мексика),

Мария Луиса Бакарлет (María Luisa Bacarlett Pérez), профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико (Мексика).

Оскар Хуарес Сарагоса (Óscar Juárez Zaragoza), профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико (Мексика).

Сальма Аль Фахди (Salma Al Fahdi), менеджер управления г. (Дубай),

Ахмед Халифа Шериф Аль Заркани (Ahmad Khalifa Sherif Al Zarkani), менеджер авиакомпании Egypt Air, (Дубай),

Вейзель Батмаз (Veysel Batmaz), профессор факультета массовых коммуникаций Стамбульского университета (Турция),

Грегори Саймонс (Greg Simons), научный сотрудник Центра антикризисного управления национального Колледжа обороны, Стокгольм (Швеция).

Зенкова А.Ю., к.ф.н., Cambridge, MA, USA (США).

Коломеец А.В., магистр политологии, соискатель кафедры политологии Донецкого национального университета, руководитель исследовательских проектов компании «Research&Branding Group». Донецк (Украина),

Воецкая Т.В., Национальный морской университет, Одесса (Украина),

Черныш А.М., профессор кафедры философии Национальный морской университет, Одесса. (Украина).

Заседание сессий проходили с 21 ноября по 14 декабря 2007 г. Первая сессия была посвящена дискурсу региональной идентичности (руководитель – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политологии Тюменского государственного университета Богомяков В.Г.). Вторая и третья сессии были организованы факультетом Связей с общественностью и рекламы УрГУ и были посвящены следующим темам: «Дискурс интегрированных маркетинговых коммуникаций, рекламы и PR», «Город как дискурс» (руководители – декан факультета СО и рекламы УрГУ, профессор С.А.Большева, доктор философских наук, профессор Быстрова Т.Ю.). Далее в Институте философии и права УрО РАН 28 ноября 2007 г. состоялось заседание сессии на тему «Дискурс новых политических идеологий и движений» (руководители – зам. Директора ИфиП, председатель Уральской гильдии политконсультантов Киселев К.В. и доктор политических наук, доцент Фадеичева М.А.

Эстафету «долгоиграющей» конференции подхватили философский факультет УрГУ, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), Гуманитарный университет, Уральский государственный университет путей сообщения,

Екатеринбургская академия современного искусства, факультет политологии и социологии УрГУ, на площадках которых прошли заседания следующих сессий: «Современное философское мышление: парадигмы и дискурсы» (руководитель – кандидат философских наук, доцент УрГУ Суслов Н.В.), «Дискурс национальной безопасности» (руководитель – зав. кафедрой политологии ЮУрГУ Хвощев В.Е.), «Культура как взаимодействие дискурсов» (руководители – ректор Гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор Закс Л.А., проректор Гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор Мясникова Л.А.), «Туризм и сервис: особенности дискурса» (руководитель – зав. кафедрой философии и культурологии УрГУПС, доктор философских наук, профессор Коркунова О.В.), «Дискурс социальных процессов и институтов» (руководитель – доктор политических наук, профессор УрГУ Грунт Е.В.), «Современный арт-дискурс» (руководитель – ректор Екатеринбургской академии современного искусства, доктор философских наук, профессор Кропотов С.Л.), «Марксизм и постмодернизм: особенности дискурса» (руководители – магистранты факультета политологии и социологии УрГУ Ильченко М.С., Коваленко Е.Н.), «Современный молодежный дискурс» (руководитель – кандидат политических наук, зам. Декана факультета политологии и социологии УрГУ Москвин Д.Е.).

В работе пленарного заседания конференции (14 декабря 2007 г.) приняли участие: вице-консул Генерального консульства США доктор Вирджил Стромайер, начальник департамента внутренней политики администрации губернатора Свердловской области, доктор философских наук Александров А.А., президент УрГУ чл.корр. РАН Третьяков В.Е., ректор УрГУ Бугров Д.В., директор Института философии и права УрО РАН Руденко В.Н., проректор Уральского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор Чудинов А.П. и др.

Среди ключевых докладов, прозвучавших на конференции, – выступление известного специалиста в области изучения творческого наследия Ж.Бодрийяра и переводчика его произведений Суслова Н.В. В своем докладе «Жан Бодрийяр и философия» Н.В.Суслов отметил, что в произведениях Бодрийяра под именем философского дискурса фигурирует в основном новоевропейское философствование. Среди всех философских концептов наибольшее подозрение у французского мыслителя вызывало метафизическое понятие реальности, а также связанное с ним «гуманистическое» понятие свободы. Решение Бодрийяра относительно реального широко известно: «реальности в себе, реальности как таковой не существует», а «допущение реальности всегда было равнозначно ее созданию, ибо реальный мир не может не быть результатом симуляции». Данную симуляцию производит не только метафизика, но и мир, который «мстит» философскому дискурсу за его стремление навязать ему реальность. В этом плане философия является порождением симулированной реальности.

Активное участие в работе пленарного заседания, сессий и круглых столов приняли крупные специалисты в области дискурс-исследований - доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД РФ Ильин М.В. (доклады «Драматургические модели политического дискурса», «Соблазн: между дискурсом факта и дискурсом фантазии») и зав. кафедрой дискурса и коммуникаций

филологического факультета МГУ Венедиктова Т.Д.(доклад «Жертвы соблазна как агенты культурных революций: к апологии наивного читателя»).

В своем докладе Т.Д.Венедиктова отметила, что внутри литературы как сложившегося культурного института высшее место в иерархии принадлежало всегда не писателям, а экзегетам, т.е. авторитетным толкователям, знатокам, наделенным правом определять и тем самым стабилизировать «истинный смысл» произведений. Остаточный сакральный статус, каковой литература сохраняла в европейской культуре Нового времени, способствовал устойчивому воспроизведению такого порядка, и поддержание его не составляло большой проблемы, пока пишущие, читающие и судящие составляли сообщество с обозримыми границами. История чтения была историей расширяющегося доступа к тексту. В эпоху «читательской революции», которая началась во второй половине XVIII века, произошел массовый переход от интенсивного чтения (медленного, исполненного пиетета перед текстами) к экстенсивному – в режиме однократного беглого восприятия множества разных текстов. К такому чтению рано начинает применяться метафора потребления, почти поедания, приема внутрь. Романы уподобляются сладостям. Цензура и школа выступают как средства дисциплинирования массового литературного чтения. В эпоху медийной революции литература утрачивает свое господство в системе массовых коммуникаций. Если бы Шекспир жил в наши дни, он писал бы не пьесы, а кино-сценарии или телесценарии. Меняется привычный властный баланс между учителями литературы и ее массовым потребителем. Потребитель все более расположен руководствоваться собственным вкусом в выборе чтения и в способах взаимодействия с книгой. Движение от печатного слова к движущемуся кинообразу, а от него к электронной виртуальной реальности приводит к усилению чувственно-телесного взаимодействия с подвижными визуальными образами, к усилению игрового момента, к расширению человеческого воображения. Вместе с данными трансформациями меняется эстетическая природа текста, которая требует своего изучения с позиций культурной антропологии.

Большой интерес у слушателей вызвали выступления доктора исторических наук, профессора, зав. отделом Института экономики УрО РАН Берсенева В.Л. (доклад «Дискурсивность сослагательного наклонения в истории экономики»), доктора политических наук, профессора факультета журналистики УрГУ Стровского Д.Л. (доклад «Медиадискурсология как объект научного познания»), доктора философских наук, главного научного сотрудника Института философии и права УрО РАН, профессора Лобовикова В.О. (доклад «О немонотонности современного философского дискурса: алгебра формальной этики как средство разрешения спора «милитаристов» и «пацифистов»), кандидата политических наук, старшего научного сотрудника Института философии и права УрО РАН Трахтенберг А.Д. (доклад «К вопросу об Интернете как объекте символического присвоения: академическая теория, государственная практика и массовое сознание»), кандидата философских наук, старшего научного сотрудника Института философии и права УрО РАН Романовой К.С. (доклад «Жизнь взаимности как соблазн дискурса») и др.

Доклады конференции опубликованы в трех томах, изданных Издательским Домом «Дискурс-Пи».

В первом томе напечатаны краткие тексты докладов по следующим разделам:

- 1) Проблемы теории и методологии дискурс-исследований (авторы: Бабайцев А.В., Вертянкина Н.В., Гредневская Е.В., Зайнетдинова Р.А., Ибрагимов Р.Н., Кожемякин Е.А., Миронова Н.И., Никитин С.А., Палеева Н.В., Фан И.Б., Шурыгина Е.Г.);
- 2) Современное философское мышление: парадигмы и дискурсы (авторы: Juvenal Vargas Munoz, Борисов С.В., Manola Sepulveda Garza, Mijail Malishev, Oscar Juarez Zaragoza, Maria Luisa Bacarlett Perez, Волкова Е.Л., Гильмутдинова Н.А., 3),
- 3) Дискурс соблазна и соблазн дискурса (авторы: Зенкова А.Ю., Коломоец А.В., Красавин И.В., Лучанкин А.И., Романова К.С., Рубцова Е.В.
- 4) Культура как взаимодействие дискурсов (авторы: Белоусова Е.В., Брандт Г.А., Гудова М.Ю., Девятова Н.Л., Дроздова А.В., Ковален),
- 5) Дискурс социальных процессов и институтов (авторы: Аквазба Е.О., Алейников А.В., Андрюхина Л.М., Анфалова И.В., Берсенева В.Л., Борисова О.С., Борисов С.Н., Васильева Е.О., Воецкая Т.В., Волков Э.В., Герцог Г.А., Грунт Е.В., Денисова А.В., Кожемякин Е.А., Спасский А.Е., Талалаева Г.В., Черникова Е.Г., Черныш А.М., Шигаева Е.С.).

Во втором томе опубликованы доклады по следующим тематическим разделам:

- 1) Политический дискурс (авторы: Бакина А.В., Баландин А.А., Грибовод Е.Г., Кайгородов С.В., Киселев К.В., Киуру К.В., Козлов Г.В., Малаховский С.П., Мартьянов В.С., Мухаметов Р.С., Москвин Д.Е., Негров Е.О.Р., Переверзев Е.В., Першина Е.В., Придорожный А.В., Руденко В.Н., Русакова О.Ф., Фадеичева М.А., Грибовод Е.Г., Ряпосова А.Б., Спасский А.Е., Тропников А.И., Трофимов Н.И., Уфимцев В.В., Фан И.Б., Фишман Л.Г., Чуудинов А.П., Шабуров А.Г., Юрченко И.В.).
- 2) Дискурс марксизма, постмодернизма, современной молодежи (авторы: Березин С.Н., Давыдова М.А., Ильченко М.С., Сысолятина Е.О.Л., Таирова Н.Р.),
- 3) Дискурс региональной идентичности (авторы: Богомяков В.Г., Ганопольский М.Г., Литенкова С.П., Жаде З.А., Заболотная

- Г.М., Карандей Ф.С., Котельников Д.М., Кулаковский Р.К., Кутузова А.А., Назукина М.В., Рассказов С.В., Фадеичева М.А., Шуклин А.В., Янков И.В., Ильичев А.П.),
- 4) Город как дискурс (авторы: Анферова Н.С., Веселова Ю.Е., Гавриляченко Е.В., Горнова Г.В., Кочухова Е.С., Мурзина И.Я., Нарсеева Е.А., Романова К.С., Сыкалов И.А., Чашин Е.В.),
- 5) Дискурс интегрированных маркетинговых коммуникаций, PR, и рекламы (авторы: Жерлыгин С.А., Житенева О.А., Корнеева Е.Л., Жуковская Д.А., Канаева Н.Ю., Кулакова К.С., Никифорова Ю.В., Преображенская А.С., Русакова О.Ф., Рыжикова Т.Л., Саенко А.И., Федотовских Т.Г., Хисамова Л.В., Хома А.Ю., Шаршапина Е.О., Шабашов В.Ф.),
- 6) Массовые коммуникации: особенности медиадискурса (авторы: Андреева А.Р., Дьякова Е.Г., Кириллова Т.С., Лисова С.Ю., Спасский А.Е., Трахтенберг А.Д., Шапошников Г.Н.),
- 7) Дискурс туризма (авторы: Акишева Н.Б., Гусаренко Т.Ю., Задорогина Л.В., Киселев Е.А., Киселева Н.А., Корзунина Е.Г., Малыгина Н.В., Николаенко В.Н., Русакова О.Ф., Сандакова Е., Скоробогатова Н.В., Скоробогатова Л.Г., Тарасова О.В., Ушенина Н., Чалиди А.Г., Чемякина А.В., Salma Al Fahdi, Ahmad Khalifa Sherif Al Zarkani).

В третий том вошли доклады, посвященные дискурсу угроз и безопасности, разнообразным типам политического и социально-гуманитарного дискурса. Среди них - доклад О.Ф.Русаковой «Актуальный ретро-дискурс: борьба за означивание», доклад О.В.Коркуновой «Феномен туризма в свете дискурсивного анализа», доклад Л.А.Мясниковой «Дискурс: символы культуры и реалии жизни», доклад М.А.Фадеичевой «Нашизм» и его дискурсивные практики», доклад К.Н. Любутина и В.М.Русакова «тенденции трансформации современного философского дискурса» доклад Г.Симонса «Проблемы применения PR в современных национальных проектах».

Далее публикуются краткие отчеты о работе заседаний конференции, а также доклады, которые по ряду причин не вошли в три тома докладов конференции.

Дискурсы о дискурсе: проблема региональной идентичности в обсуждении участников секции «Дискурс региональной идентичности», 21 октября 2007 г., Тюменский государственный университет

Работа секции состоялась в рамках второй международной научно-практической конференции «Дискурсология: методы, теория, практика». Обсуждаемые вопросы, скорее, относились к разряду «практики», однако, некоторые методологические и теоретические проблемы все-таки были подняты.

В первую очередь заслуживает внимания высокий уровень «символических инвестиций» в обсуждаемую тему региональной идентичности: из 15 выступавших более чем половина имеет звание профессора, среди которых есть доктора философских, политических, социологических, исторических наук. Скорей

всего, это свидетельствует о хорошей организации, но и о том, что в диалоге на тему заинтересованы на высоком интеллектуальном уровне, что в иерархии современных проблем социально-гуманитарных наук (или в российском дискурсе научного знания) «региональная идентичность» занимает не последнее место. Безусловно, эта тема волнует не только российских ученых, но в той или иной мере другие «национальные» науки. «Сегодня о идентичности региона задумываются все», - говорит Ольга Русакова, вдохновитель и организатор конференции. Что стоит за стремлением ввести в глобальную научную повестку

дня проблему региональной идентичности - поиск новой предметности для научной карьеры, новая сфера услуг для государственной власти или определенные реалии современного общества? Этот вопрос можно прояснить только обратившись к самому «дискурсу о дискурсе».

Нельзя сказать, что в рамках секции был поставлен какой-то один конкретный и всем ясный вопрос, скорее, акцент был сделан на свободе выбора предмета разговора и формы его подачи. Таким образом, «дискурсов» о региональной идентичности получилось ровно столько, сколько было выступающих. Все же можно попытаться рискнуть и выделить три направления, отличающихся «общим пафосом», пересечением «общих мест», способом означивания. Условно их можно назвать «технологический», «философский» и «социокультурный» дискурсы.

Наиболее «самоочевидное» направление — технологическое, для которого региональная идентичность (точнее, их множество) предстает как данность и весь вопрос заключается либо в отслеживании этих идентичностей, либо в их создании. Любая идентичность является социальным конструктом, а значит — потенциальным объектом применения технологий. Постольку постольку идентичность является одним из способов мобилизации населения в борьбе за власть или политический курс, она становится политической проблемой. Другой вариант практического использования идентичности — создания региональной/ локальной мифологии, чтобы сделать регион/ место привлекательным объектом инвестиций (например, в туристическую отрасль).

В этом плане интересно выступление Марианны Фадеичевой, указавшей на тот факт, что дискурс вне предметного воплощения — дискурсивных практик - остается далеким от масс. Практики — это тот способ, каким дискурс репрезентирует себя в повседневной жизни «населения». Причем, характер этой репрезентации претерпел значительные изменения при переходе от традиционного (в котором этническая и территориальная идентичности тождественны) к современному (добавляющему национальную, профессиональную и ряд других идентичностей) и постсовременному обществам. Для последнего характерна т.н. «конгломератная идентичность», присутствие множества не связанных между собой способов идентификации. Сам способ идентификации — один из инструментов политической борьбы, яркий пример тому — создание в начале 90-х гг. прошлого века Уральской республики, или обращение «уральцы» к жителям Екатеринбурга и Свердловской области (тогда как к условному «большому Уралу» можно отнести и Челябинскую, и Пермскую, и Курганскую области, Удмуртию). Борьба за самоназвание является символическим отражением реальной политической борьбы за доминирование в Уральском регионе.

Подобная же ситуация анализируется профессором Галиной Заболотной. В качестве объекта анализа здесь выступает сложнопостроенный субъект — Тюменская область (вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами). Формально единая, Тюменская область фактически состоит из трех субъектов, постсоветская история которых — конфликт по поводу распределения полномочий. В рамках области, таким образом, наблюдаются фиксируемые стандартными социологическими методами 3 идентичности - «тюменская», «ханты-мансийская» и «ямальская», так идентичность предстает способом определения границ (в т.ч. политических) региона.

Механизм идентификации зачастую запускается «сверху», для как ставка в политической игре, дополнительный ресурс в торге региональной элиты с Центром.

Отдельные аспекты «технологического» подхода звучали в других выступлениях и ряде реплик. Доцент кафедры политологии ТюмГУ Сергей Трофимов предложил в качестве основы новой «сибирской» идентичности использовать образ больших рек — Оби, Иртыша, а его коллега Галина Медведева — противопоставить «трудовую Сибирь» досуговой Москве. В этом ключе было выдержано и выступление студента ТюмГУ Андрея Шуклина о «проблемах формирования региональной идентичности в Тюменской области», коих оказалось большое количество, так что слушатели серьезно засомневались в осуществимости такого рода проекта.

Критика «технологического» дискурса прозвучала в первую очередь со стороны «философов». Для этого направления характерна проблематизация очевидности идентичности (в том числе и региональной) как конструкта. С одной стороны, обсуждаемое явление стало предметом морального осуждения. Для профессора Михаила Ганопольского региональные идентичности, воплощенные в символах, «людям должны быть безразличны», так как они «питаются нашей жизнью, кровью». Кроме того, «идентичность противоположна общности, в общении человек себя не идентифицирует», значит, идентичность сужает диапазон человеческих возможностей в построении общности. Такая «поэтическая» экзистенциалистская трактовка человеческой ситуации совмещается в докладе с представлением о России как о принципиально «пространственной» стране, для которой, видимо, понятие региона важно лишь в смысле условной разметки принципиально некартографируемого пространства.

Свое видение роли идентичности предложил профессор Николай Скалон, который также попытался связать идентичность со спецификой национальной культуры («ценностному центру»). Чтобы прояснить этот вопрос, Николай Скалон вводит в оборот термин «политологема», под которой понимается некая базовая характеристика культуры, разворачиваемая в практики. Для России такой политологемой является глубинная связь между конкретикой времени и места (топоса) с универсальностью. Однако, в развертывании этой политологемы Россия может зайти в тупик — ситуацию «какотопии» (лат. «cacos» - «плохой»). Региональная идентичность в таком случае, видимо, будет реплицировать государственную реальность.

Другую опасность «развертывания» идентичностей в современности обозначает профессор Александр Павлов. Полагая, что единственным очевидным примером идентичности является самоидентификация, он констатирует, что в других случаях неясен субъект (население. народ, нация, человечество) и способ связи с этой идентичностью. Вопросы региональной идентичности (как не вполне ясного явления) становятся важными в эпоху глобализации, которая угрожает ряду народов полным культурным исчезновением. Здесь возникает два варианта ответа на этот вызов. Первый — похожий на африканскую концепцию негритюда — заключается в том, что «если мы не с Западом, то мы чище, нравственнее, ближе к природе». В сущности этого ответа заложен один момент - «ничего делать не надо, мы и так хорошие». Такая позиция - это позиция инфантилизма. Другой ответ — когда идентификация адресуется себе как проблема, в результате чего становится источником внутреннего развития. Таким образом, «поиск самоидентичности - это поиск средств

и способов самосохранения в глобализующемся мире, а не способ успокоения», поиск своего языка, своей литературы и философии, а не технологии его конструирования.

Если первые два дискурса соотносятся друг с другом как тезис и антитезис, то третий «социокультурный» подход *sum grano salis* может быть назван «снятием». Профессор Владимир Богомяков в своем выступлении, касаясь темы конструирования региональной идентичности, прямо указывает на довольно-таки провальный и бездарный характер множества таких попыток. Анализируя некоторые «тюменские» дискурсивные практики, он находит апелляции в них к региональной идентичности неубедительными, неживыми, а то и вовсе страшными. Искусственное зачисление в разные идентификационные класса — дело ненужное и неблагодарное, человек сам должен изобретать себя. Идентификация — это социокультурный дискурсивный процесс, который не задается государством или иной властью, но должен быть выстроен изнутри жизни, истории общности.

Своеобразное доказательство тезисов В. Богомякова — доклад старшего преподавателя кафедры истории древнего мира и средних веков Федора Корандея об открытой им гомологии между тюменским праздником «ключи» и ирландским праздником «патерн». Между этими двумя праздниками, выступавшими в свое время основой региональной идентичности, наблюдается явное структурное сходство. Сергей Рассказов приводит примеры «постсоветского городского мифа» городов Тобольск (Тюменская область), Енисейск (Красноярский край), Суздаль, основной смысл которых — создание чувства полноценности с помощью образов «духовного» или «исторического» центра региона.

Интересен тот факт, что региональная идентичность как явление наиболее ярко проявляет себя в городах, тогда как в деревнях и селах она зачастую отсутствует. локальное самопонимание может присутствовать, но оно не закрепляется в каких-то конкретных практиках. Таким образом, «социокультурный» подход признает факт существования региональных идентичностей, но связывает их не с политическими и иными технологиями, но с социокультурными процессами.

Какие выводы можно сделать из всего этого разнообразия дискурсов региональной идентичности? Во-первых, это нарастающее административное и экономическое давление на «жизненный мир» населения: нестоличная власть нуждается в способах легитимации собственного места, в компенсационных механизмах нарастающей поляризации (когда жители стремятся из деревень в города, оттуда — в большие города, оттуда — в Москву). Региональная идентичность в этом плане является способом удержания ресурсов, а необходимость конструирования таковой — «государственный заказ» местным интеллектуальным элитам и технологам. Во-вторых, существует дискурс (в том числе и среди этой элиты) противостояния этим попыткам определить судьбу населения, «загнать» его в рамки идентичности с помощью различных символических инструментов — от апелляции к хайдеггерианскому пониманию человека, до рафинированных теорий современной глобализации. Наконец, в разнообразии современных дискурсов присутствует и возможность свободного определения региональной идентичности с негарантированным результатом при отсутствии административного давления, где она предстает одной из потребностей человека в понимании места, которое он обустраивает.

ОТЧЕТ О СЕССИИ «КУЛЬТУРА КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСОВ»

Для участия в заседании секции «Культура как взаимодействие дискурсов» предварительно было заявлено 20 сообщений (список прилагается). В работе секции приняли участие 22 человека, из них: представителей Гуманитарного университета — 12 человек, УрГУ — 6 чел, других вузов и научных организаций Екатеринбурга — 4 человека. В работе секции принимали участие 6 докторов наук, профессоров, 8 кандидатов наук, доцентов, 6 аспирантов и соискателей, других — 2 человека. Для публикации в сборник материалов конференции представлено 14 тезисов докладов и выступлений.

В ходе заседания были заслушаны и обсуждены 9 докладов, раскрывающих различные аспекты проблемы. В докладе д.ф.н., проф. Л.А. Закса «Дискурсивное тело культуры» дискурс связывается с функциональным, коммуникативным срезом культуры, проводится различие языка и дискурса (язык определен системой правил, формален, дискурс — неформален и нелинеен). Дискурс можно осмыслить и как разговор культуры с собой (аутокоммуникация), как высказывающееся и определяющееся самосознание.

В сообщениях к.ф.н., доц. А.В. Севастеенко, д.ф.н., проф. Л.А. Мясниковой, д.ф.н. Г.А. Брандт предприняты попытки представить, с одной стороны, терминологический и методологический анализ дискурса, а с другой — применить его к решению конкретных социокультурных проблем. Севастеенко А.В. выявила различные подходы к дискурсу

и обратилась к дискурсу кино, который понимается как претендующая на полноту экзистенциально-техническая конструкция, включающая языковые и неязыковые факторы. Дискурс «собирает» разные контексты: технические аспекты кинематографа, способ осмысления социокультурных процессов, внутреннего мира личности, выраженных разными языковыми средствами. Автор разделяет «дискурс кино» и «дискурс о кино», выделяет признаки кинодискурса и различные формы (экзистенциальный, феноменологический, психоаналитический, фантазмогорический, шизофренический) и его функции. Особое значение для автора имеет вопрос о киноидентичности как результате перформативных действий кинодискурса.

В сообщении Л.А. Мясниковой «Дискурс: символы культуры и реалии жизни» подчеркивается методологическая многоаспектность и «вязкость» понятия «дискурс». Сложность решения многих конкретных проблем связана зачастую с непроясненностью этого понятия. Культура в качестве смыслового, символического пространства представляет собой «продукт» дискурсов, сеть нарративов. На примере взаимодействия этнокультур (цыганской и русской) показано, что многие символы русской культуры возникли под влиянием цыганской. Но в реалиях повседневного со-бытия культур титульного и нетитульного народов, последние остаются париями, так как не имеют равного права на участие в дискурсе, а без него толерантность остается пустым термином.

В сообщении Г.А. Брандт «Дискурс материнства в русской культуре: место разрыва» показываются преимущества дискурсивного анализа образа женщины в русской культуре. В описании русской женщины преобладающим оказывается взгляд на женщину как возлюбленную мужчины, а образ матери представлен либо очень абстрактно, либо с преобладанием принижено-уничижительных оттенков, т.е. между декларацией «Матери Родины» и «Матушки России» и реальным дискурсом материнства наблюдается существенный разрыв. Автор подчеркивает, что дискурсивный анализ позволяет выявить нерелексированные аспекты культуры.

Связь дискурса с психоанализом подчеркнута в выступлении к.ф.н., доц. Б.В. Орлова «Психоаналитический дискурс в современной культуре» Главной заслугой З. Фрейда автор считает создание нового дискурса, позволившего высказаться бессознательному. Продолжил эту работу Делез. Главное – не анализ психических состояний, а возможность выявления иррациональных смыслов культуры.

Возможность выявления важных, но рационально не осмысленных аспектов культуры через столкновение разных дискурсов посвящено выступление к.ф.н., доц. А.В. Дроздовой «Прецедентный дискурс: классический текст в контексте массовой культуры». Прецедентный текст – дискурс, нехарактерный для определенного типа культуры, но используемый в ней в качестве «цитаты». Текст классической культуры, будучи перенесенным в массовую культуру, решает задачи массовой культуры, но и провоцирует ее, выявляя разрывы и слабые места.

Д.ю.н., проф. М.Н. Семякин в докладе «Современное цивилистическое правопонимание как элемент культуры: взаимодействие дискурсов» показывает, что разные концептуальные рамки понимания гражданского права (историческая, догматическая, социологическая, психологическая, экономическая, либеральная, критическая) являются узкими. Реально гражданское право не укладывается в эти узкие рамки,

надо его понимать из более широкого культурного контекста, где гражданское право предстает как взаимодействие дискурсов, а кроме того, реальные социокультурные практики защищают правовые нормы от догматического «засыхания» и отрыва от принципов справедливости, морали.

В докладах к.к.н. Е.А. Калужниковой и Е.А. Батюты шла речь о конкретных аспектах культуры и определенных видах дискурсов. В докладе «Коды паломнического ритуала» Е.А. Калужникова обратилась к структурно-семиотическому анализу как предтече и одному из возможных аспектов дискурса. Выявив вербальный, пространственный, акциональный, временный, предметный элементы паломнического ритуала, автор показывает, что помимо религиозного возможно светское паломничество. Она отметила, что обычное туристское путешествие может стать паломническим в результате введения в него элементов паломнического ритуала, и, напротив, как паломничество может стать туризмом. Теоретические выводы имеют большое значение для развития практики туризма.

Сообщение аспирантки Гуманитарного университета Е.А. Батюты «Потребительский дискурс постсовременного общества» посвящено специфике современного потребительского дискурса. В рамках современной иллюзорной и имитационной культуры выявлен тип нового компетентного потребителя, которым нельзя манипулировать прежним способом, но которого можно побуждать к реализации сиюминутной прихоти с помощью скрытых элементов дискурса.

Все выступления вызвали живой интерес аудитории. Каждому докладчику задавались интересные вопросы и высказывались комментарии как по сообщению в целом, так и по различным аспектам.

Итоги работы секции были подведены представителем оргкомитета д.полит.н. Русаковой О.Ф. Принято решение рекомендовать на пленарное заседание доклад д.ф.н. Л.А. Мясниковой «Дискурс: символы культуры и реалии жизни».

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МАРКСИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ:

13 декабря в Уральском государственном университете в рамках II-й международной научно-практической конференции по дискурсологии, посвященной памяти Жана Бодрийяра, состоялось заседание сессии «Марксизм и постмодернизм: особенности дискурса». Организаторами мероприятия выступили магистранты факультета политологии и социологии УрГУ Михаил Ильченко и Елена Коваленко. Заседание прошло в форме круглого стола с участием экспертов, представляющих различные гуманитарные дисциплины, – философию, политологию, социологию и филологию.

В своём вступительном слове Михаил Ильченко обратил внимание на тот факт, что в последнее время о марксизме и постмодернизме нередко приходится говорить в едином контексте. Начиная от особенностей современной критической теории и заканчивая провозглашением кризиса всей социальной философии. Частыми становятся пересечения дискурсивных пространств обоих направлений, а порой и попытки их методологического синтеза, как у Джеймсона и Харви.

Дискуссию открыла доктор политических наук, профессор Ольга Фредовна Русакова, которая заметила, что сегодня можно наблюдать не просто тенденцию соприкосновения дискурсов марксизма и постмодернизма, а фактически замещение

последнего новыми формами неомарксизма. При этом их спектр оказывается достаточно широк. Так, по мнению профессора, перелицовщиком марксизма на постмодернистскую модель является Бодрийяр, который успешно использовал теорию эксплуатации с помощью знаков.

Предложенную тему в своём выступлении продолжил доктор филологических наук, профессор Леонид Петрович Быков. Согласно его точке зрения, сходство между марксизмом и постмодернизмом заключается в том, что марксизм – это тоталитарная философия, основывающаяся на принципе «быть свободным от общества нельзя», а постмодернизм – максимально демократичная философия, опирающаяся на принцип «быть свободным от знака невозможно». Кроме того, объединяющей обе парадигмы категорией выступает отчуждение. Притом, что в случае с постмодернизмом речь идёт не только об отчуждении между людьми, но и об отчуждении от смысла.

Под сомнение возможность осуществления методологического синтеза марксизма и постмодернизма поставил доктор политических наук, зав. Кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ Михаил Васильевич Ильин. Согласно учёному, этот синтез возможен лишь на уровне дискурсов, тогда как методологические принципы в данном случае

не пересекаются. Единственное, что сближает марксизм и постмодернизм, - это явление форм отчуждения. Постмодернизм исходит из позиции, что все есть формы превращения, марксизм же полагает, что реальна и действительна только экономика, всё остальное – формы отчуждения. При этом главная заслуга марксизма, считает Ильин, в том, что он показал наличие капитализма.

Согласно мнению доктора философских наук, доцента Надежды Ивановны Савцовой, постмодернизм являет собой лишь один из возможных интеллектуальных проектов, который сегодня вызывает крайне неоднозначное отношение в самой Франции. Попытки соединить его с марксизмом интересны, но непродуктивны и в любом случае не выходят за рамки публицистики.

Как предположила доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории дискурса и коммуникации филологического факультета МГУ Татьяна Дмитриевна Венедиктова, существует несколько способов соположения модусов «марксизм» и «постмодернизм». Однако самым целесообразным является обсуждение дискурсивных интерпретаций. В данном случае, считает специалист, интересна позиция радикальных подозрений в отношении властных социальных форм, а также их критический анализ.

В заключении дискуссии участники пришли к выводу, что пересечение марксизма и постмодернизма носит по большей части характер дискурсивного взаимодействия и уже само по себе говорит о стремлении каждого из направлений нащупать пути дальнейшего развития в современных условиях.

Доклады

О. Б. Подвинцев

ПРОБЛЕМА «ВЕЛИЧИЯ РОССИИ» И СОВРЕМЕННАЯ

**Подвинцев
Олег Борисович**

доктор политических наук,
директор Пермского филиала
Института философии и права
УрО РАН, г. Пермь

Признание желательности и необходимости для России быть «великой» является общим фактически для всех ведущих современных политических сил и идейно-политическими течениями страны и задает рамки для дальнейшей полемики. При этом позиции по вопросу о том, в чем именно должно заключаться «величие России», как и следовало ожидать в такой ситуации, зачастую не только различаются, но и исключают друг друга. Как правило, «величие» непосредственно связывается с «державностью». Последнюю в рамках данного дискурса мы бы определили как «мощь и/или превосходство государства, выявляемые при сопоставлении с ему подобными».

Характерной чертой современных представлений о «державности» России является стремление распространить ее не в целом на результаты соревнования государств, а лишь на отдельные его стороны и критерии. Понятие «великая держава» в отношении настоящего, а чаще даже будущего России употребляется с тем или другим определяющим прилагательным. Самый яркий пример – «великая энергетическая держава». Но есть и множество других: от «великой космической» до «великой футбольной».

Еще один показательный момент, с нашей точки зрения, заключается в том, что традиционные показатели державности, такие как военная мощь, наличие сфер влияния, роль в решении глобальных мировых проблем, как правило открыто используются лишь маргинальными политическими силами. Все же солидные игроки на современном политическом поле России признают необходимость переосмысления «державности».

Не является исключением и «партия власти». При чем в этом отношении она демонстрирует определенное постоянство. Так, еще в одном из проектов программы партии «Единство» говорилось: «В современном мире державная мощь страны проявляется не столько в военной силе, сколько в способности генерировать и использовать новые технологии, охранять свою безопасность, отстаивать национальные интересы на международной арене, обеспечивать высокий уровень благосостояния народа, поддерживать морально-психологическое единство граждан». В предвыборной программе партии «Единая Россия» в 2007 г., провозглашающей в качестве стратегической цели «строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации», далее сочетание «великая держава упоминается еще дважды – один раз в связи с необходимостью перехода к инновационной экономике, а второй формирования «психологии победителем», примером которой должны послужить «предки». В этом отношении нет формального основания для противопоставления с «Единой Россией», которое проводится в предвыборной программе Союза правых сил: «Они – за «великую державу», и поэтому хотят, чтобы в мире нас боялись. Мы – за великую Россию - комфортную для жизни, процветающую и динамично развивающуюся страну, которую поэтому будут уважать во всем мире». Более значимо еще одно различие, подчеркиваемое в другом программном документе СПС: «Основой истинного величия России является наша свобода. Для свободных граждан естественно любить свою страну, а для великой державы естественно всемерно поощрять свободную инициативу своих граждан».

Наконец, следует отметить, что при обосновании новой российской державности очень большое значение представителями различных идейно-политических лагерей придается духовной сфере. При этом происходящие в ней процессы могут рассматриваться как необходимое условие и основание для возрождения державной мощи (та же самая «психология победителей» единокороссов), но могут подаваться и как самодостаточное ее выражение. Характерным в этом отношении можно считать такие суждения как «Сегодня многие